Василий Окулович и Соломан (4)

А во славной было главной Золотой Орды
У прикрасного Василья сына Окуловича
Собиралось пированьичё, почесьён пир
А про многих про пановей-улановей,
А про тех было мурзов и тотаровей.
Уж как пир-от идёт нонь пир навесели,
Уж как день-от идёт да день ко вечёру.
Ище все на пиру нонь пьяны-весёлы,
Ишше все на чесном пиру росхвастались.
А Васильюшко по грынюшки погуливат,
Он ведь куньей-то шубочкой розмахиват,
Золотым костыльком в пол поколациват;
Ище сам из рецей он выговарыват:
«Уж вы ой еси, пановья-й-улановья,
Уж вы те же мурзы да все тотарыны!
У нас все нонь во городе поженёны,
Красны девушки взамуж все повыданы —
А один я, Васильюшко, холост хожу,
Я холост-де хожу и нежонат слыву.
Вы не знаите ле где-ка мне обручници?»
А тут большой-от кроицьсе за средьнёго,
А тут средьней бороницьсе за меньшого;
От меньшого, сидят, — долго ответу нет.
И-за того нонь стола было окольнёго
Выставал тут удалой доброй молодець,
А по имени Торокашко сын Заморенин.
Он поближе к Василью придвигаицьсе,
Он пониже ёму да поклоняицсэ:
«Уж ты батюшко, Василей сын Окулович!
Уж я знаю тибе ноньче обручницю,
Уж я знаю не девицю-душу красную,
Уж я знаю тибе нонь жону мужнюю
А во том же во чарьсви в Ерусолином
У того где чаря ноньче Соломана —
Ише та где чарича Соломадина;

Красотой она красна и ростом высока!»
Говорил тут Василей сын Окулович:
«Уж ты ой еси, Торокашко сын Заморенин!
Как нам можно у живого мужа жона отнять?
А Соломан-чарь Давыдович хитёр-мудёр:
Розорит-попленит всю Золоту-й Орду».
А на то Торокашко-вор догадлив был,
Говорил Торокашко таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
Без бою возьмём, без драки, мы без сеценья,
Безо всякого возьмём мы кроволитея!
Нагрузи ты мне топере три черных карабля:
Уж как первой карабь ты со товарами,
Уж как второй карабь со плисом-бархатом,
Уж как третей-от карабь ты со напитками,
А со всякима со разныма закусками!..»
А на то где Василей не ослушалса:
Нагрузил он топере три черных-е карабля:
Уж как первой карабь он со товарами,
Уж как второй карабь со плисом-бархатом,
Уж как третей карабь и со напитками,
А со всякима со разныма закусками;
Он и дал ёму на корабли товарыщов.
А пошли они здраво за синё морё.
Ёму пала тут ведь поветерь способная;
Поднимал паруса белы полотнянны,
Он здраво перешол через синё морё.
Он приходит во чарьсво в Ерусолим-град;
Становицьсе он на пристань карабельную,
Опускал он паруса белы полотняны,
Он вымётывал якори булатныя,
Он вымётывал сходёнки дубовыя;
Он и брал с собой подарочки не маленьки,
Он не маленьки подарки брал — в петьсот рублей;
Он пошол где к чару-ту ко Соломану.
Он приходит к Соломану к широку двору,
Проходя идёт Торокашко на кра[с]но крыльцо,
Проходя идёт Торокашко в нову горьничу.
А выходит тут девушка-чернавушка.

Говорил тут Торокашко таково слово:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Ишше дома ле Соломан чарь Давыдович?»
Отвечат ёму девушка-чернавушка:
«У нас Соломана-чаря в доме не случилосе:
А уехал Соломан во чисто полё
Он на тихи на вёшныя на заводи
Он стрелять-де гусей да белых лебедей».
Говорил тут Торокашко таково слово:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
У вас дома ле чарича Соломадина?»
Отвечат ёму девушка-чернавушка:
«У нас дома чарича Соломадина».
Говорил тут Торокашко таково слово:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Ты пошли сюда чаричу Соломадину!»
Выходила тут чарича Соломадина.
Говорил тут Торокашко таково слово:
«Уж ты здрастуй, чарича Соломадина!»
Он вымал тут подарочки не маленьки,
Он не маленьки подарочки — в петьсот рублей;
Он дарыл где чаричи Соломадиной;
Он и звал ей теперече на тры черных карабля
Он обченивать товары всё заморския,
Со которого товару коя пошлина:
«А по пошлины в городи торговать буду!»
А на то где чарича не ослушалась:
Поскорёшенько она тут снарежаласе.
А пошли они с Торокашком на три черных карабля.
Он на то, Торокашко-вор, догадлив был:
Не на тот ведёт корабь, ко́ей со товарами,
Не на тот ведёт карабь, коей с плисом-бархатом, —
Он на тот ведёт карабь, коей со напитками,
Он со всякима разныма со закусками.
Он садил ей за столы нонь за дубовые,
Да он за те ей за скатерти персцятые,
Он за те где напитки рознались́ние.
Подавал он ей напитков рознались́них-е,
Он и сам говорил да таково слово:

«Выпей-выкушай, чарича Соломадина;
Веселей тибе товары наши обченивать,
Со которого товару котора пошлина:
Я по пошлины в городи торговать буду!..»
А на то где чарича не ослушалась,
Выпивала эту чарочку-ту первую.
Наливал Торокашко чару вторую:
«Ище выкушай, чарича Соломадина,
Веселей тибе товары наши обченивать».
А на то где чарича не ослушалась,
Выпивала эту чарочку-ту вторую,
Выпивала эту чарочку всю досуха.
Где пила чарича, ела, тут и спать лёгла.
Он на то, Торокашко-вор, догадлив был:
Обирал он ведь сходёнки ду[б]овыя,
Он выкатывал якори булатныя,
Поднимал он паруса белы полотнянны.
А ёму пала поветерь способная;
Он отправилса здраво за синё морё.
Ишше тут-де чарича пробужаицьсе,
От великое хмелинушки протвержаицьсе,
А сама говорит она таково слово:
«Уж ты ой еси, Торокашко сын Заморенин!
Ты куда миня везёшь, ведь жону мужнюю?
Ты за князя ле везёшь миня — за кнезьевича?
За короля ле везёшь миня — королевича?
За сибя ле — за дородня добра молочьча?»
Говорил тут Торокашко таково слово:
«Я везу тибя, чаричу Соломадину,
Я во славну во главну Золоту-й Орду
За прикрасного Василья сына Окуловича!»
А приходят они здраво в Золоту-й Орду;
Приставаёт на пристань он карабельнюю,
Опускал он паруса белы полотняны,
Он вымётывал сходёнки дубовые.
Тут стречал-де Василей сын Окулович.
Он и брал где чаричу за белы руки,
Чёловал он в уста ей во сахарные,
Он повёл ей, чаричу, во широкой двор.

А чесным у их пирком да ноньче свадьбы быть…
А во ту где ведь пору и во то время
А приехал Соломан-чарь Давыдович,
А приехал Соломан-чарь из чиста поля.
Не выходит чарича Соломадина —
Не стречат-де Соломана из чиста поля,
Не берёт где Соломана за белы руки,
Не снимат где Соломана со добра коня,
Не чёлуёт в уста ёго сахарные.
А выходит тут девушка-чернавушка,
А берёт где Соломана за белы руки,
А снимат-де Соломана со добра коня.
Говорит тут Соломан-чарь Давыдович:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
У нас ’де же чарича Соломадина?
А в пиры она ушла але в беседушки?
Але она топере во гульбу ушла?
Але она топерече больна лёжит?
Але ей топере в животи нет?»
Отвечат тут-де девушка-чернавушка:
«У нас нет ноньче чаричи Соломадиной;
Приходил Торокашко нонь з-за синя моря
Он на трёх же черных-е караблях;
Приходил он с товарам[и] с заморскима.
Он увёл ей, Торокашко, на три черных карабля
Он обченивать товары всё заморьские:
Со которого товару коя пошлина,
Он по пошлины в городи торговать хотел —
Он увёз ей, чаричу, за синё морё
Он во славну во главну в Золоту-й Орду
За прикрасного Василья сына Окуловича!»
А ведь тут ето Соломану за беду при[ш]ло,
За велику за досаду показалосе;
Он и падал где батюшку в резвы ноги,
Он и стал просить у батюшка благословленьичё
А сходить где Соломану в Золоту-й Орду
А за той же чаричей Соломадиной.
Говорил тут Давыд ёму, родной батюшко:
«Уж ты ой еси, Соломан-чарь Давыдович!

Ты пойдёшь-де во славну в Золоту-й Орду —
Насидисьсе под гузном ты под бабьим же!»
А тут стал где Соломан снарежатисе,
Он и брал с собой где силушку-рать великую,
Он отправилса с силой за синё морё.
А ёму пала поветерь способная —
А счесливо перешол он через синё морё.
Не дошол он до славной Золотой Орды,
Он оставил свою тут нонь всю силочку;
Он пошол тут Соломан в Золоту-й Орду,
Он пошол, своей силушки наговарывал:
«Уж ты ой еси, моя сила-рать великая!
Я пойду теперь во славну в Золоту-й Орду;
Заиграю я во турьей рог во первой раз —
Вы тогда, моя сила, снаредитисе;
Заиграю я во турьей рог во второй раз —
Вы тогда, моя силочка, подвиньтесе;
Заиграю я во турьей рог во третьей раз —
Вы тогда, моя силочка, все быдьте тут!»
А пошол тут Соломан в Золоту-й Орду.
А приходит Соломан в Золоту-й Орду
Он к тому где к Василюшку к широку двору.
Проходя идёт Соломан на красно крыльцо,
Проходя идёт во грыдьню княженечкую.
А Васильюшка тут в доми не случилосе:
А уехал Василей во чисто полё;
Уж как дома — чарича Соломадина.
Говорит ёму чарича Соломадина:
«Уж ты ой еси, Соломан-чарь Давидович!
А приедёт как Василей сын Окулович,
А приедёт Василей из чиста поля —
Я тогда-то куда тибя девать буду?..»
Говорит тут Соломам[н]-чарь Давидович:
«Отокрой-ко ты перинушку пуховую —
Повалюсь я на кроваточку кисовую,
Ты закинь миня перинушкой пуховою!..»
А тут приехал Василей сын Окуловиць,
А приехал Василей из чиста поля.
А ведь та где чарича Соломадина

А того где чаря да всё Соломана
Повалила на кроваточку кисовую,
А закинула периночкой пуховою,
А пошла она стречеть-то Василья сына Окуловича,
А снимать она Васильюшка со добра коня.
А брала она Васильюшка за белы руки,
А снимала Василья со добра коня,
Чёловала в уста ёго сахарныя,
А вёла ёго, Василья, во светлу грыню.
А розделса тут Василей сын Окуловиць.
Говорит тут чарича Соломадина:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
Кабы был здесь Соломан-чарь Давыдович —
Уж ты що бы над им нонь как стал делати?»
Говорил тут Василей сын Окулович:
«Я сх[в]атил бы со спички саблю вострую,
Я сказнил бы Соломану буйну голову!»
Тут ставала где чарича на резвы ноги,
Подходила ко кроваточки кисовое,
Она откинула перинушку пуховую:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
Ище здесь же Соломан-чарь Давыдович!»
А скакал тут Василей на резвы ноги,
А схватил он со спички саблю вострую,
Он и хочот казни́ть ёму буйну го́лову.
А Соломан-чарь Давыдович хитёр-мудёр;
Говорит тут Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
А чарей не казнят — да ноньче вешают.
Ты сруби возьми рель да привысокую;
Ты положь-ко на рель да перекладинку;
За перекладинку повесь-ко ты три петёлки:
Ишше перву-ту петёлку шелковую,
Уж ты вторую петёлку пеньковую,
Уж ты третью петлю повесь липову;
А в шолкову-ту ведь петёлку положь праву руку,
А в пенькову-ту петёлку — буйну голову,
Уж как в липову петёлку — леву руку.
Уж ты сделай корэту приугромную

А везти миня на рель нонь превысокую,
Посади-тко миня ты впереди сибя.
Розойдецьсе ета славушка по всей земли:
А повесил Василей сын Окулович
А того же чаря да всё Соломана!»
А на то где Василей не ослушалса:
Он повесил на спичку саблю вострую.
Говорит тут чарича Соломадина:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
Ты казни возьми Соломану буйну голову:
А Соломан-чарь Давыдович хитёр-мудёр,
Розорит-попленит всю Золоту-й Орду».
Говорил тут Василей сын Окулович:
«А теперичe Соломан-от у нас в руках!»
Приказал рубить он рель нонь привысокую,
Он положить на рель нонь перекладинку;
За перекладинку повесить велел он три петёлки:
Уж как перву-ту петёлку шолковую,
Уж как вторую петёлку пеньковую,
Уж как третью-то петёлку он липову.
Приказал делать корэту он приугромную.
А срубили эту рель да привысокую;
Уж как сделали корэту приугромную.
Да запрягали в корэту они добрых коней
А везти где чаря нонь всё Соломана
А на ту где-ка рель да превысокую.
Посадил ёго Василей впереди сибя;
А поехали они нонь на рель да превысокую.
Говорит тут Соломан-чарь Давыдович,
Говорил тут Соломан таково слово:
«А передни-ти колёса те ведь конь тенёт,
Уж как задьни колёса пощо чорт несёт?..»
Говорит тут чарича Соломадина:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
Ты казни-тко Соломану буйну голову:
А Соломан-чарь Давыдович хитёр-мудёр,
Розорит-попленит всю Золоту-й Орду».
Говорит тут Василей сын Окулович:
«А теперече Соломан-от у нас в руках!»

Привёзли ёго ко рели превысокое,
Уж как брали Соломана за белы руки
А снимали со корэты приугромное,
Повели ёго на рель да привысокую.
А ступил тут Соломан на первой ступень —
Говорил тут Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
Ты позволь мне взыграть в турьей рог во первой раз:
У мня есь за горами за высокима,
У мня есь за ручьями за прегрубыма,
У мня есь за лесами за дремучима
У мня ноньче голубы кормлёныя —
А пускай мои голубы послушают
А в последний они да во остадочний!..»
Приказал играть Василей в турьей рог во первой раз.
Заиграл тут Соломан в турьей рог во первой раз,
Он играл-де, Соломан, жалко-жалосно —
Уж как тут ёго сила снаредилася.
А ступил тут Соломан на второй ступень —
Говорил тут Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
Ты позволь мне взыграть в турьей рог во второй раз:
У мня есь за горами за высокима,
У мня есь тут ведь голубы кормлёныя —
А пущай мои голубы послушают
А в последний они нонь, во остадочний!»
Приказал играть Василей в турьей рог во второй раз.
Тут играл-де Соломан пуще старого,
Пуще старого играл он жалко-жалосно —
Уж как тут ёго силочка прыдвинулась.
А ступил тут Соломан на третей ступень —
Говорил тут Соломан таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей сын Окулович!
Ты позволь мне взыграть в турьей рог в последней раз:
У мня есь за горами за высокима,
У мня есь нонь ведь голубы кормлёныя —
А пускай мои голубы послушают
А в последней они нонь, во остадочний!..»
Приказал играть Василей в турьей рог в последней раз.

Заиграл тут Соломан в турьей рог в последней раз,
Заиграл тут Соломан жалко-жалосно —
Уж как тут ёго сила вся нагрянула:
Тут хватали Васильюшка за белы руки,
Ишше ту где чаричу Соломадину,
А того же Торокашка сына Заморенина.
Повели их на рель да превысокую
Их весить-то всех ноньче в три петёлки.
А в шолкову-ту повесили Васильюшка,
А в пенькову-ту — чаричу Соломадину,
Уж как в липову — Торокашка сына Заморенина.
Говорит тут Соломан-чарь Давыдович,
Говорил тут Соломан таково слово:
«Розойдецьсе типерь славушка по всей земли:
А повесил Соломан-чарь Давыдович
А того же Василья сына Окуловича,
Ище ту где чаричу Соломадину,
А того же Торокашка сына Заморенина!..»
Ишше тут им типеречe славы поют,
А славы им поют, всем старины скажут.

(Зап. А. Д. Григорьевым 27 июля 1901 г.: д. Ки́льца Погорельской вол. — от Чу́пова Ивана Алексеевича, ок. 30 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.